

Л. А. Лар

ТРАДИЦИОННАЯ РЕЛИГИОЗНО-ОБРЯДОВАЯ ЖИЗНЬ НЕНЦЕВ

Традиционная религиозно-обрядовая жизнь ненцев — сложная, развитая, складывавшаяся на протяжении тысячелетий система, это целый мир. Она состоит из символических действий или ритуального поведения участников обряда, элементов материальной культуры в виде ритуальной пищи, одежды, атрибутики и речевого поведения участников обряда в словесном и музыкальном выражении. Обряд — явление достаточно консервативное, если иметь в виду глубинную основу каждого обряда. В каждом обряде есть важная внешняя игровая сторона (даже если игра имеет трагическое действие), в котором неизбежно происходят изменения.

L. Lar

TRADITIONAL RELIGIOUS-CEREMONIAL LIFE OF THE NENETS

The traditional religious-ceremonial life of the Nenets is a complex system, which has been developing for millennia; it is a whole world. It consists of symbolical actions or ritual behaviour of participants of a ceremony, elements of the material culture such as ritual food, clothes, attributes and speech behaviour of participants of a ceremony in verbal and musical expression. A ceremony is a rather conservative phenomenon noting a deep basis of each ceremony. Every rite has an important external game side (even if a game implies tragic action), in which alterations are inevitable.

Обряды и ритуалы очень многообразны, в каждом отдельном случае — свои традиции, нормы, способы их обозначения, даже свои критерии в определении значимости того или иного события. Но при всем при этом их можно разделить на общенациональные, родовые и лично-семейные. Г. Н. Грачева, Е. А. Алексеенко, Е. С. Новик независимо друг от друга пришли к мысли, что обряды целесообразно класси-

фицировать по контингенту их отправителей, т. е. разделять их на общенародные, племенные, родовые, семейные и индивидуальные¹.

Следуя этому принципу, традиционные обряды ненцев можно поделить на коллективные, семейные и индивидуальные. Под коллективным подразумевается обряд, справляемый группой людей, члены которого являются представителями од-

ного рода или нескольких семей, не связанных родственными узами. Семейные периодические обряды заключаются в принесении благодарственных жертв домашним духам и считаются необходимыми для того, чтобы обеспечить за собой их покровительство. Индивидуальный ритуал подразумевает сакральную деятельность человека. К ним можно отнести обряды, выполняемые так называемыми сакральными лицами, в первую очередь шаманами. Они связаны прежде всего с культом предков, с тотемистическими представлениями и с магией.

Религиозно-этические нормы, утверждавшие традиционную мораль, касались буквально всех сторон жизни человека, предписывали ему определенный тип поведения, назначением и результатом которого было умилоствление сверхъестественных сил: «В туманах и вьюгах, в темные зимние дни, осенними ненастными ночами за людьми в тундре могут гнаться злые духи. Кочевник останавливается, откланивается, зарывает деньги в снег и поспешно гонит к чуму»². Практически вся жизнь ненцев была наполнена ритуалами, либо задабривающими добрых духов, либо защищающими от злых духов: «Семейные обычаи самоедов не лишены оригинальности и заключают в себе ряд забот, оканчивающихся пиршествами и жертвоприношениями»³.

В тундре жизнь оленевода была обставлена многочисленными табу, ритуалами и обрядами: «Целый ряд суеверий сопровождает на каждом шагу жизнь кочевника. Поехал на промысел — необходимо захватить с собой идолов, приносящих счастье. Они у него на поясе. Выходит в море — нужно принести жертву морскому божееству, а также вымазать кровью жертвенных оленей, руль лодки, киль и борта, чтобы вода не прошла в лодку. Отвалил от берега — брось серебряную монетку в море, будет добрее. Проезжая по тундре и видя впервые за год жертвенник Тиутей-сале, нужно прикрыть глаза и перевернуть наоборот

малицу — иначе бог Тиутей ослепит дерзкого пришельца»⁴.

Большую роль играли благодарственные обряды в честь духов — хозяев местности, рек и добрых духов, которые «не входили в частную жизнь самоеда, а заправляли отвлеченными понятиями, образующими таинственную связь между неодушевленными предметами и сверхъестественным высшим существом, и делают чудеса»⁵. Злых духов нужно задабривать, добрых — подкармливать, чтобы помогли людям. Е. Кузнецов, будучи в экспедиции на Ямале, был свидетелем совершения ритуала, который описал в своей работе: «Близ Белого острова на Ледовитом море находится песчаная отмель, где самоеды прежде приставали во время своих проездов для отправления идольских обрядов. Здесь они купались для сообщения с водяными божеествами и, выйдя из воды, бросали в нее кусок меди или деньги; богатые же приносили своему Нептуну обильную жертву из оленей, которых топили в воде»⁶.

Проблемы выживания на севере были вполне понятными, что объясняло глубокое религиозное чувство, присущее многим народам, живущим в арктической среде. В религиозных представлениях ненцев такие природные объекты, как реки, горы, деревья, олицетворяли силы реального и мифического Космоса, и человек призывал их к себе в союзники, в честь них устраивал различные культовые обряды. Он как бы заручался поддержкой духов, чтобы обеспечить благополучие членов своего рода.

Ненцы смотрели на природу как на существо одушевленное. Она живая, так же чувствует, так же ощущает и так же может обидеться на несправедные действия человека. Зависимость от природы ощущалась ими настолько сильно, что создаваемый ими образ мира включал многие черты, свидетельствующие о неспособности человека четко отделить себя от природного окружения. Л. Гейденрейх отмечал, что если охотник или оленевод проявлял должное почтение к божеествам и духам, со-

блюдал установленные запреты, то духи — покровители животных, природы были милостивы к ним, и посылали дичь. Чтобы задобрить духов и отвести болезни или несчастья, их кормили, так как они также нуждаются в пище. Предназначенная для духов пища разнообразна: запах жертвенного угощения, кровь жертвенного животного, а также бескровное жертвоприношение в виде лоскутков сукна, монет и т. д.

Очень значимыми являлись кровавые жертвы, которые состояли из «приношений оленей, рыбы и лошади, которая почитается самою приятною для идолов, собственно, потому, что будто бы она заменяет человека, приносимого в древности на жертву идолам. Олени приносятся в жертву иногда в один раз по семь и семи семиков в следующем виде: на шею приносимого в жертву надеваются петля тынзянаркана, за концы которого с двух противоположных сторон, ухватясь по несколько человек с криком остервенения, безжалостно задушают его, к павшему подбегает шаман и с криком «гай гай» вонзает в сердце нож и тотчас снимает шкуру со всеми принадлежностями — рогами и копытами, грудину и часть лучшего мяса, облитых теплою кровью, подставляет под идола для того, чтобы паром насытить его, намазывает его кровью, и затем остывшее мясо пожирается с кровью всеми находящимися, часть же съедают вареною, а остатки онаго и прочие шкуры поступают в собственность шамана»⁷.

Ненцы верили, что духи-покровители и духи-помощники обеспечивают успех промыслов; гарантируют богатый улов; охотничью добычу; обеспечивают безопасность промысловиков; либо наказывают неудачей или несчастьем на промысле за непочтение к ним или неуважительное отношение к добыче. По мнению Ю. Кушелевского, природные явления также связывались с деятельностью божеств или каких-либо других таинственных сил⁸. Поэтому, чтобы не стать жертвой стихии, необходимо заслужить расположение духов почи-

танием их и регулярными приношениями, а также соблюдением всех издревле сложившихся традиций и правил: «Самоеды твердо верят, что этими жертвами они могут, если не совсем умилостивить разгневавшегося бога, то во всяком случае на некоторое время освободиться от его грозного суда»⁹.

Семейные периодические обряды, носящие название «хэбидя нгавар», заключаются в принесении благодарственных жертв домашним духам-покровителям и считаются необходимыми для того, чтобы обеспечить себе их покровительство: «С домашними хегами при надобности самоед вступает в непосредственную беседу. Отправляясь на промысел, самоед умилостивляет божка-покровителя, обмазывает ему губы салом или кровью, иногда божок берется с собой в нарту или за пазуху»¹⁰.

Почти все семейные обряды связаны с оленем. Его жертвовали при рождении ребенка, при родах, при похоронах, перед началом охотничьего сезона, во время магических обрядов, при сильной болезни и т. д. Оленьей кровью обмазывали морду медведя, идолов, священные нарты, предметы. Жертвовали оленя и для духа медведя: «перед тем, как начать душить оленя, Някучи взял голову медведя и три раза обвел ею вокруг шеи пешки»¹¹. Лесные ненцы предпочитали разделять убитого медведя вдали от стойбища, чтоб женщины нечаянно не наступили на упавшую каплю медвежьей крови. После того как тушу освежают, голову медведя заносят в чум, так как она «считается священной — в нее нельзя стрелять, как и нельзя бросать, где попало»¹².

Одним из важнейших, занимавших исключительное место в семейном обряде, был культ Огня («Ту'»). В своих основных чертах он был аналогичен подобным культам, распространенным у других северных народов. Самые древние взгляды на огонь неразрывны с представлениями о жилище, поэтому не удивительно, что семейная жизнь всецело связывалась с домашним очагом и его хозяйкой — главным семейным божеством, покровительницей и защитни-

цей дома; она постоянно пребывала над вершиной пламени. К ней люди обращались за помощью и советами, у нее испрашивали благословения и покровительства для членов семьи: «Самоеды воспринимают огонь как живое существо»¹³. «Ту'Хада» являлась женским божеством, она охраняла жилище, помогала при родах, отгоняла болезни, очищала людей при нарушении различных сакрально-обрядовых установлений.

Чтобы умиловить хозяйку огня «Ту'Хада», ненцы приносили в жертву самые лакомые кусочки мяса, добытых на охоте, зверей, забитого домашнего или ритуального оленя. Обязанность присмотра и кормления огня лежала на женщине — хозяйке чума. В. П. Евладову посчастливилось быть свидетелем ежедневного ритуала женщин, который заключался «в подбрасывание в плошку с горящими углями кусочков оленьего сала и подкуривании дымом священного шеста. Во время окуривания женщина издает какие-то глубоко гортанные звуки, хоркая наподобие оленя. Эти звуки едва слышны»¹⁴.

Однако функции огня как духа не ограничивались семейной жизнью, они были чрезвычайно многосторонними и связывались с другими культурами, играя при этом первостепенную роль. Огонь имел большое значение в различных гаданиях. Например, при болезнях, перед охотой или переездом на новое место. Если огонь издавал мягкий звук, и отскакивала от него большая искра, то это означало, что можно идти на охоту или рыбалку. Когда огонь издавал другие определенные звуки, то старые люди говорили, что он предупреждает об опасности: «Если огонь «плачет» или «пищит» — это предсказывает что-то худое»¹⁵. В подобных гаданиях огонь выполнял защитительную и предупредительную функцию. Огню приписывалась также коммуникативная роль в общении живых с душами умерших.

Священные места связывали с божествами, духами местности: «Они охраняют холмы, рощи, реки, ключи, тропинки и хижины. Им известны каждое действие че-

ловека, все нужды и интересы местности, находящиеся под их властью»¹⁶. Люди, веря в это, устраивали там жертвоприношения, сопряженные с таинствами. Согласно этим явлениям, они освящали и отводили каждому из богов и духов священные участки. Ненцы превращали в места своих паломничеств необычные, по своей форме, скалы, нагромождения, объединительной чертой которых было то, что они всегда находились на местах охоты на диких оленей. На этих местах до сих пор встречаются большие скопления рогов и черепов оленей¹⁷.

Жертвоприношение на святилище, по представлению ненцев, ключ к невидимым дверям Вселенной, которая находится в «сядэе». В этой двери — вместилище для духа, в первую очередь заинтересован сам человек. Поэтому обращение к «сядэю» — это все равно, что открыть дверь во Вселенную, где живут духи и божества. Жертвоприношения на культовых местах регулярно осуществлялись семьями. Периодичность таких жертвоприношений варьировала от 1 года до 3 лет: «На пути приставали мы к Болванскому носу, куда с самых древних времен самоеды собираются для жертвоприношений по два раза в год, т. е. перед началом промыслов и по окончании их. Они приносят в жертву оленей и других животных, которых мясо, однако же, съедают сами, оставляя божеству одни только рога и головы. Они жертвуют ему также разные металлические и деревянные вещи, топоры, обрывки цепей, гвозди, петли и рулевые крючья, сани, но только те, которые им самим уже не годны»¹⁸.

Спорадически жертвоприношение мог совершать и один человек — при болезни, неудаче в промысле, при следовании мимо священного места: «Дух священного места по своему характеру может быть добрым или злым. Если ему жертвуют, то он обеспечивает добычу и защищает человека, но если его намеренно или по упущению оскорбят, то он прячет добычу, насылет болезнь, а также может убить»¹⁹.

Празднование дня появления солнца дает все основания сделать вывод, что раньше культ солнца, как и культ грома, играл значительную роль и занимал не меньшее место в жизни ненцев, чем великие божества и духи. Дошедшие до наших дней сведения К. де Бруина позволяют даже считать, что культ Солнца играл первенствующую роль в верованиях ненцев: «Самоеды поклоняются, впрочем, своим идолам, почитают солнце, луну и другие небесные светила»²⁰. В рукописях Г. Ф. Миллера бог отождествляется с солнцем по имени «Хай»²¹. По нашей версии слово «хай», «хае» происходит от искаженного «хаер'» — солнце. О высшем божестве пишет и К. де Бруин, который подтверждает версию Г. Ф. Миллера: «Есть одно небо и один бог, которого они называют Неуһа, т. е. божество... они совершенно уверены, что нет ничего выше и могущественнее бога»²².

О роли солнца и луны в религиозных традициях ненцев пишет и А. Олеарий: «будучи язычниками, почитали солнце и луну и разные идолы — как об этом можно узнать из неоднократно уже упомянутого описания морского путешествия»²³. Изучая ненецкие мифы, можно заметить, что солнце и луна в пантеоне небесных божеств занимают более низкую ступень и «считаются подчиненными божествами, посредством, которых высшее существо управляет людьми и природой»²⁴, а также играют меньшую роль, чем другие божества, на что и обратил внимание Т. Лехтисало²⁵. Образы солнца и луны тесно переплетаются: «Для них солнце — мать бога, и они поклоняются ему как матери бога. А луна относится к мертвым (она — бог мертвых), и на одной стороне гроба рисуют солнце, а на другой луну»²⁶.

Обряды поклонения светилам сохранялись до конца XIX — середины XX вв., преимущественно в двух видах: 1) в обряде, требующем жертвоприношения, и 2) в праздновании дня появления солнца «хэ-бидя яля»²⁷. Т. Лехтисало сообщает, что в честь появления солнца устраивался праз-

дник, на который собирались все ненецкие роды²⁸. Праздник сопровождался общей трапезой, состязаниями и т. д. В ходе встреч обсуждались порядок и маршрут кочеваний и другие важные события предстоящего года. Появление солнца в середине января приветствовалось ненцами за его живительную силу, так как с его исчезновением вся жизнь в природе замирала. По представлению ненцев солнце уходило туда, куда уходили мертвые.

Солнцу посвящались белые олени «хаер'ты», на которых ставили особую метку. Мясо жертвенного оленя, посвященного солнцу, нельзя было вносить в чум и употреблять женщинам²⁹. При жертвоприношении такого оленя присутствовал шаман, который должен был уметь предсказывать. Участники поворачивались во время ритуала на восток и произносили слова благодарности и просили защиты и благополучия у солнца. И. Идее писал, что во время обращения к солнцу и луне ненцы «подобно персам, ...почитают лишь несколькими поклонами утром и вечером»³⁰. В. П. Евладов уточнил количество и время жертвоприношений: они совершались «13 раз в году, по числу 13 лунных месяцев»³¹.

Обряды и обрядовые церемонии вообще могут существовать и развиваться как самостоятельно, так и в комплексе с теми религиозными ритуалами, которым свойственна в первую очередь массовость действия. Каждый обряд, ритуал постоянно обогащался новым влиянием времени. Современные обряды существуют в тесной связи как с многовековыми традициями, так и со сложившимися новыми стереотипами. Но сама структура не изменилась: молитва, заклинания, жертвоприношение, очищение, гадание.

Одним из почитаемых было божество «Вэсоко». «Во всех самоедских тундрах, ни у каких других идиолов не было столько приносимых в жертву оленей, сколько у Вэсоко. ...каждый самоедин немедленно приносил жертву самому Вэсоко, чтобы он дозволил промышлять возле него морских зве-

рей и дал успех в промысле»³². Для поклонения своим богам и ритуальных жертвоприношений ненцы с материка, из просторов Большеземельской тундры, с Урала и даже с Ямала и с низовьев Оби стремились попасть на о. Вайгач, где располагалось святилище «Вэсоко». Каждый из них оставлял своего нового идола, взамен мог взять священную вещь для священных нарт.

Общим культовым божеством у ненцев и хантов был «Мастерко», «Ортик»; у ненцев он известен как старик верховьев Оби — «Яв'мал»; у русских — «Троицкий шайтан». Каждый год на священное место к нему съезжаются, чтобы поклониться и «возят ему лучшие лисьи шкуры и деньги значительными суммами, сверх того через три иногда семь лет ездят тайные сборщики, которым и передаются обещанные приклады, взамен которых жертвователи получают ничтожные вещицы от Мастерка — кольца, пояски, лоскутки суконные и другие»³³.

Частью религиозного обряда был культ воды. Обряд жертвоприношений духам воды описан Е. Кузнецовым: «Обряд жертвоприношения рыбы более прост и скромнее, и совершается большей частью в летнее время. Отобравши лучшую рыбу и отделив ножом мясо от костей, тадибе подносит ее на траве к идолу, обмазывает ею лицо и подставляет ко рту идола. Жертва лошади, считается, по мнению самоедов, самую приятную, потому что будто бы заменяет собою человека, приносившегося в древности в жертву идолам. Обряд этот совершается с большим варварством, против жертвоприношения оленя. Лошадь поднимают головою вверх, привязывают к дереву, посвященному идолу и с жестоким тиранством задушают, вонзая в нее стрелы»³⁴.

«Пэ мал Хада» («пэ» — камень, «мал» — конец, «хада» — старуха, дословно — «каменная старуха») — хозяйка вершины горы обитает на Полярном Урале. Приуральские ненцы считают ее покровительницей маленьких телят. Один раз в три года ненцы приносят ей в жертву оленя темнокоричневой масти. По другим источникам

«Пэ мал Хада», является покровительницей маленьких детей «нгаябэй». Поэтому в люльку новорожденного кладут камешек «сей пэ», который якобы охраняет от злых духов болезней.

У каждого участка леса или тайги существовал свой хозяин — «Пэдара Ерв», который имел широкие сферы влияния, в его ведении находились леса, к нему обращались с просьбой об удаче в охоте: «Заблудившиеся в лесах или в степях просят его покровительства и защиты и умоляют всякими жертвами, какие только ему будет угодно принять от просителя»³⁵. Богатство хозяина леса заключалось в растительном и животном мире леса. Он знает каждое дерево в лесу и каждого зверя. Обходя свои владения, он следил за порядком в лесу. Отношение к хозяевам местности влияло на выработку у ненцев их морально-этических норм поведения. Правила и нормы поведения человека были тесно связаны с почитанием хозяев данной местности.

Для того чтобы божества и духи заботились о людях, им нужно было приносить жертвы и возносить молитвы-просьбы и производить особые ритуальные действия. Молитвы у ненцев были просты и понятны: «О! Я'Миня — мать наша, О! Небесная наша мать! Мы к тебе обращаемся! Нум Вэсоко — отец наш небесный, мы к тебе обращаемся! Наши дети плачут, они призывают вас к милосердию»³⁶. У каждого человека есть свои личные молитвы, которые он направляет определенному божеству или духу: «Помоги нам, мать наша небесная. Пусть наши дети будут здоровыми. Станут они рыбаками и оленеводами. Пусть наши семьи пополняются. Пусть звенят детские голоса в наших чумах»³⁷. На священных местах старые люди, проводя обряды, просят духов, чтобы они помогли в охоте, возвращению домой после долгой разлуки: «Великий бог Тиутей-сале, пошли нам попутный ветер, дай благополучный путь, дай вернуться к нашим семьям»³⁸. Заклинания воплощают психическую силу

человека в желаемое действие. Это приближает человека к духам, делает его на время властелином ситуации.

Из элементов православной ритуальной практики распространение получило почитание «Миколы Мутратна». Это приводило к тому, что к его образу приносили жертвы по всякому случаю жизни³⁹: «Лучше Николу положу рубль в кружку, а то он на меня гневаться будет, что не сдержал обещания», — говорил при беседе с В. Бартевым оленевод⁴⁰. С. И. Руденко в своем очерке писал, что «самоеды при случае ставят в церкви свечи, особенно перед иконой Николая Чудотворца, и приносят в церковь по обету жертвы — шкурки зверей, сукна и ткани подобно тому, как своим богам и духам-покровителям»⁴¹. Б. М. Житков пишет, что «посещая Обдорск, крещенный самоед приносит иногда приклады в церковь, а в тундре рядом со своей шайтанской нартой возит еще и нарту с образами; иногда одного из домашних идолов начинает приурочивать к Николаю Чудотворцу»⁴².

Обладатель иконы святого Николая верил, что этим он себя защищает от всех земных невзгод, от разных заболеваний, сглаза и т. д.: «Многие крещенные восстав от сна, входя в чум или избу, или же садясь за трапезу, совершают на себе крестное знамение, у многих в чуму стоит образ, по большей части святителя Николая, и обыкновенно, молитва их “Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй мя”»⁴³.

При посещении селения, где находилась церковь с изображением образа Николая Чудотворца, ненцы проводили незатейливый обряд поклонения. Открыв бутылку вина, они кланялись в сторону церкви и выливали вино на землю и, говорили: «Миккулай-старик, не будь в плохом настроении! Прими свой глоток! Мы идем»⁴⁴. Особое почитание Николая объясняется его простотой и безотказностью: «дикарь до сих пор приходит к храму поклониться св. Николаю Чудотворцу, образ которого стоит в нем»⁴⁵. Л. Н. Гейденрейх отмечал, что бывали «случаи, когда этому комбинирован-

ному божку приносились кровавые жертвы и одновременно с ними ставилась церковная свеча»⁴⁶. Ненец из рода Харючи при выздоровлении своей жены принес Николаю Чудотворцу в жертву 10 оленей⁴⁷.

Для большинства крещенных новая религия выступала в довольно-таки упрощенных формах: «Правда, крещенные инородцы, являясь в Обдорск на ярмарку, исполняют иной раз некоторые церковные обряды, как-то: крестят ребятишек, венчаются, заглядывают в церковь, ставят иногда свечи святым иконам — и только»⁴⁸. Но в «церковь инородцы идут всегда не с пустыми руками. При входе в храм инородцы придерживаются особых обычаев. Они заходят в церковь в лучшей одежде, обходят сначала церковную ограду по солнцу и тогда уже входят в храм»⁴⁹.

Иногда элементы как христианской, так и традиционной религии соединялись вместе: «Принявши христианскую религию, самоеды стараются по возможности исполнять ее правила и оставляют прежние свои языческие обряды, но нередко крещенные вместе с язычниками приносят жертвы идолам»⁵⁰. К. Д. Носилу в период своей экспедиции в Обдорский край часто приходилось наблюдать как ненцы, «зайдя в храм поклониться иконе и поставить свечу, еще ходят в другой раз кругом этого храма и бросают что-то на его крышу»⁵¹.

Из журнала священника Иоанна Платонова узнаем о поклонении другим святым: «По объяснении (раскрытии значения образа иконы) они (инородцы) вместе с детьми кланялись до земли, и после того лобызали, особенным удовольствием они слушали историю и смотрели иконы, коих изображены апостолы Петр и Андрей, которые прежде призвания их быть ловцами человеков, были простыми рыбаками»⁵².

В стороне от поклонения остался культ «Христа Спасителя». Он был чужд для ненцев, так как он не имел натуралистического элемента, т. е. в нем не было природной силы мира: «О том, что Господь наш Иисус Христос сошел с неба и возвестил нам все,

что слышал от отца своего небесного, Лямби слушал неохотно и с заметным неудовольствием»⁵³. Принесенное и навязываемое духовной властью христианство было для ненцев своего рода «речью на непонятном языке». Идея ожидания Спасителя и его вторичного прихода, самопожертвования во искупление человеческих грехов, линейного времени и всеобщего воскресения мертвых «во плоти» в конце времен не имели прямых соответствий в религиозных представлениях о мире у ненцев.

История показала, что прижиться церкви на севере нелегко, потому что, как правило, она не служила потребностям и интересам местного населения. Природный образ жизни давал людям ключ к интерпретации реальности и модели социальных отношений. «Почти всю свою жизнь большая часть самоедов проводит среди холодных тундр, которые удивляют путешественников своим разнообразием. Тундра оживает только в течение короткого лета и в это время представляет довольно живописный вид. Затем наступает суровая полярная зима. Месяц или два в тундре стоят 40-градусные морозы, но самоед прекрасно переносит их. Вообще, самоеды прекрасно приспособились к тундре и сильно любят ее. Они сроднились со своими снежными пустынями, которые так скупно вознаграждают их за бесконечные лишения, и ни на что не променяют их»⁵⁴.

Когда перед людьми вставали жизненные кризисы, в случае если море, земля или горы переставали давать пищу к обеденному столу, то в этом были бессильны священнослужители. В этом им не мог помочь далекий и чуждый «Иисус Христос». Миссионеры на всем протяжении христианской истории всегда строго отделяли Христа от природы и ее явлений. Образ его никогда не вовлекался в жизнь природы; ему совершенно чужды все натуралистические черты. Может быть, именно поэтому он лишен в ненецком фольклоре почетного места рядом с «Нумом», «Николой Мутратной» и другими божествами.

Даже русско-зырянское население, оказавшись в суровых условиях природы, приспособлялось к традиционной культуре коренных народов севера. Некоторые русские, живущие рядом с ненцами и северными хантами, сделали по христианской части все, что нужно в церкви, просили шаманов помочь ублажить местных духов, чтобы они были благосклонны: «Я (К. Носилов) знаю многих из русских, которые не стыдятся участвовать в жертвоприношениях, охотно обращаются к ворожбе этих людей и даже ввели это правило, отправляясь в путь, положим, на рыбный промысел или берясь за какое-либо другое выгодное предприятие, дело»⁵⁵.

Способ общения людей с природой строился на принципах общения с духовными существами. Гармоничное сосуществование с природой означало согласие не только с миром природы, но и участие в жизни соседей, как в части общей жизни на земле. В таком случае жизнь и культура соседа становилась частью их жизни.

Обряды и ритуалы — немаловажный фактор формирования духовного мира человека. Ритуал — это обрядовое действие, церемониал, торжественный акт, в ходе которого раскрывается идейное содержание обряда. Религиозные обряды обладают способностью группового воздействия, утверждают стабильные стереотипы поведения, соответствующие данным общественным отношениям нормы нравственности и ценностные ориентации. В узком родственном кругу, внутри «ячейки» общества действуют свои правила и регламенты. Не будет преувеличением, если сказать, что без традиций существование нормальной семьи невозможно.

Ненцы проводили обряд очищения, чуть ли не на все, к чему прикасались. Ритуальная чистота у ненцев достигалась путем специального обряда «няромда»мбва». Для этого обряда использовался можжевельник, березовый гриб — чага, шерсть бобра, рыбий жир и горящие угли. Применение шерсти бобра, березового гриба,

можжевельника, рыбьего жира в обряде очищения означало связь с верхним, чистым миром, а запах якобы отгонял от этого места злых духов. Вся эта смесь называлась «тороптом».

После родов женщина долгое время считалась особенно нечистой. Чум, где находилась роженица, окуривалась «тороптом» (дым от веток багульника, сожженной шерсти, смешанной с бобровым волосом и сала): «горячим салом углы, чтобы туда не вошел недобрый дух и не испугал роженицу»⁵⁶. Очищалось ее платье, которое «считалась поганым»⁵⁷. Только через 8 недель женщина «окуренная оленьим салом, имеет уже право разделять с мужем скудную трапезу и считается чистой до новой беременности»⁵⁸.

Обряд очищения у шамана являлся цельным и религиозным процессом. Он вел, можно сказать, даже жизнь, наполненную ритуальными очищениями. Этому обряду подвергались все, что касалось его деятельности: пензер, его изготовление, место, где проводилось камлание, одежда, идолы, он сам, присутствующие, чум и т. д. При камлании шамана, очищались приносимые в жертву животные и т. д.

Обряд обмывания покойного появился у ненцев с христианизацией. Некоторые ненецкие семьи тело почившего «обтирали паклей, длинными, тонкими стружечками, намотанными на палку»⁵⁹. Потом ему предлагали его чашку с чаем, из которой

«лили чай ему на пальцы ног и на дверь»⁶⁰. Участники похорон после прощания с покойным «раскладывали огонь, метали в оный масло, сало, хлеб и табак, и окуривали свою одежду»⁶¹. Ненцы считали, что «в Нижний мир (или из него) можно было попасть по ноге или поясу женщины. Отсюда, вероятно, происходит и применявшийся в прошлом в ряде культур обряд, согласно которому через умершего человека (особенно мужчину) должна была перешагнуть женщина, что облегчало его уход в иной мир»⁶². В целях защиты в погребальных обрядах ненцев на голову покойника надевали котел⁶³. По свидетельству Н. А. Миненко, этот обычай объясняется также тем, что покойник не должен найти обратную дорогу после погребения на кладбище⁶⁴.

Покончив с обрядом очищения, обойдя могилу трижды против солнца «самоеды, иногда предводительствуемые тадибеем, перешагивают могилу и уходят от нее, пятясь назад»⁶⁵. Здесь тоже можно обратить внимание на совершение круга. Обходя могилу, участники как бы замыкают магический круг, чтоб дух покойного не выходил за его пределы. Круг как бы служит в качестве идеального устройства, посредством которого тело имеет устойчивую связь с космосом. Ненцы Пуровского района сооружали треугольные ворота из сваленных деревьев снаружи чума, под которыми вся семья проходит для очищения, далее проносят спальные шкуры, одежду, нарты⁶⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грачева Г. Н. Традиционная культура нганасан // Памятники культуры народов Сибири и Севера. — Л., 1977. — С. 227; Алексеенко Е. А. Культы у кетов // ПКНСС. — Л., 1977. — С. 65; Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. — М., 1984. — С. 151.

² Кушелевский Ю. Северный полюс и земля Ялмал. — СПб., 1868.

³ Кузнецов Е. О. верованиях и обрядах самоедов // ТГВ. — 1868. — № 1. — С. 17, 18.

⁴ Евладов В. П. По тундрам Ямала к Белому острову. — Тюмень, 1992. — С. 166, 167.

⁵ Кушелевский Ю. И. Указ. соч. — С. 112.

⁶ Кузнецов Е. Указ. соч. — С. 20.

⁷ ГУТО ГА г. Тобольск. Ф. 156. Оп. 26. Д. 432. Л. 1об.

⁸ Кушелевский Ю. Указ. соч. — С. 111.

⁹ Самоеды. Природа и Люди. — М., 1901. — С. 17.

¹⁰ Гейденрейх Л. Канинские самоеды. Советский Север. — М., 1930. — № 4. — С. 26.

- ¹¹ Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск, 1987. – С. 84.
- ¹² *Евладов В. П.* Указ. соч. – С. 176.
- ¹³ *Лехтисало Т.* Мифология юрако-самоедов (ненцев). – Томск, 1998. – С. 86.
- ¹⁴ *Евладов В. П.* Указ. соч. – С. 166.
- ¹⁵ *Лехтисало Т.* Указ. соч. – С. 86.
- ¹⁶ *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. – М., 1989. – С. 357.
- ¹⁷ *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. – М., 1976. – С. 256.
- ¹⁸ *Литке Ф. П.* Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821–1824 гг. – М., 1948. – С. 316.
- ¹⁹ *Лехтисало Т.* Указ. соч. – С. 72.
- ²⁰ *Бруин де К.* Путешествие через Московию. – М., 1872. – Кн. 1. – С. 145.
- ²¹ РГАДА. Ф. 199. Портф. 513. Д. 2. Л. 24.
- ²² *Бруин де К.* Указ. соч. – С. 145.
- ²³ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. – СПб., 1906. – С. 300.
- ²⁴ ГАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 28. Л. 209.
- ²⁵ *Лехтисало Т.* Указ. соч. – С. 14.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Источники... Указ. соч. – С. 74; *Костиков Л.* Указ. соч. – С. 118.
- ²⁸ *Лехтисало Т.* Указ. соч. – С. 14.
- ²⁹ *Костиков Л.* Указ. соч. – С. 120.
- ³⁰ *Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). – М., 1967. – С. 286.
- ³¹ *Евладов В. П.* Указ. соч. – С. 166.
- ³² Вениамин, архимандрит. Самоеды мезенские // АГВ. – 1849. – № 9. – С. 123.
- ³³ ГУТО ГА г. Тобольск. Ф. 156. Оп. 25. Д. 127(5). Л. 386.
- ³⁴ *Кузнецов Е.* Указ. соч. – С. 21.
- ³⁵ *Шавров В. Н.* Записки штаб-лекаря В. Н. Шаврова о жителях Березовского края // ТГВ. – 1871. – № 43. – С. 283.
- ³⁶ Мифы и предания ненцев Ямала. – Тюмень, 2001. – С. 182.
- ³⁷ Мифы и предания... С. 182.
- ³⁸ *Евладов В. П.* Указ. Соч. С. 80.
- ³⁹ *Вануйто В. Ю.* Николай Чудотворец в религии коренных народов Обского Севера // Вестник ТПГИ им. Д. И. Менделеева. – Тобольск, 2004. – № 3. – С. 192; *Евладов В. П.* По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. – Тюмень, 1992. – С. 110; На стыке континентов и судеб. – Екатеринбург, 1996. – С. 204; ГУТО ГА г. Тобольск. Ф. 156. Оп. 25. Д. 127. Л. 253; Ф. 253. Оп. 1. Д. 202а. Л. 16, 72.
- ⁴⁰ *Бартенев В.* На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. – СПб., 1896. – С. 174.
- ⁴¹ *Руденко С. И.* Иногородцы Нижней Оби. (Этнографический очерк) // Отдельный оттиск из трудов Общества земледения при императорском С-Петербургском университете. – СПб., 1914. – Т. III. – С. 11.
- ⁴² *Житков Б. М.* Полуостров Ямал. – СПб., 1913. – С. 229.
- ⁴³ *Иславин В.* Самоеды в домашнем и общественном быту. – СПб., 1847. – С. 119.
- ⁴⁴ *Лехтисало Т.* Указ. соч. – С. 26.
- ⁴⁵ *Носилов К. Д.* У вогулов. – Тюмень, 1997. – С. 291.
- ⁴⁶ *Гейденрейх Л. Н.* Указ. соч. – С. 25.
- ⁴⁷ *Шренк А.* Путешествие к северо-востоку Европейской России. – СПб., 1855. – С. 366.
- ⁴⁸ ТГВ. – 1894. – № 26. – С. 525.
- ⁴⁹ ТЕВ. – 1915. – С. 17.
- ⁵⁰ ГУТО ГА г. Тобольск. Ф. 156. Оп. 26. Д. 643. Л. 293.
- ⁵¹ *Носилов К. Д.* Указ. соч. – С. 294.
- ⁵² Там же. Ф. 156 Оп. 26 Д. 400 Л. 36.
- ⁵³ ГУТО ГА г. Тобольск. Ф. 156. Оп. 26. Д. 643. Л. 16.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

⁵⁴ Самоеды.... С. 3.

⁵⁵ *Носилов К. Д.* Указ. соч. – С. 22.

⁵⁶ Самоеды... Указ. соч. – С. 27.

⁵⁷ *Старцев Г. А.* Указ. соч. – С. 74.

⁵⁸ Самоеды... Указ. соч. – С. 27.

⁵⁹ *Евладов В. П.* Указ. соч. – С. 90.

⁶⁰ *Лехтисало Т.* Указ. соч. – С. 98.

⁶¹ *Теребихин Н. М., Овсянников О. В.* Святилище «Козьмин перелесок» как памятник традиционной духовной культуры ненцев // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. – М., 1990. – С. 240.

⁶² *Финш О., Брэм А.* Путешествие в Западную Сибирь. – М., 1882. – С. 359.

⁶³ *Белявский Ф.* Поездка к Ледовитому морю. – М., 1883. – С. 124.

⁶⁴ *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск, 1975. – С. 196.

⁶⁵ *Кушелевский Ю.* Указ. соч. – С. 28.

⁶⁶ *Лехтисало Т.* Указ. соч. – С. 106.